

Неподалеку огни города Поцзюнь постепенно гасли, погружая его в ночную тишину, что резко контрастировало с шумом и мельканием мечей зодчих на вершине горы Ханьшань. Помещик Се взглянул наверх и не удержался от ворчания:

— Надо же, такое способны возвести, а починить развалившуюся лачугу — не могут?

— Тут ты неправ, — возразила госпожа Нин. — Каким в итоге станет Главный зал Яоцзюэ, решают старейшины вместе с крупнейшими орденами. Я слышала от господина Чжу, что сейчас все помыслы владыки сосредоточены на А-Жэне. Он лишь хочет успеть вверить ему судьбу всех живых существ, прежде чем сам вернется в лютую зиму, и ему совсем не до золотых или серебряных чертогов.

— А-Жэню всего лет семнадцать-восемнадцать, при чем тут судьба всех живых? К тому же, пока вся нечисть в мире не уничтожена, темная аура не рассеется. По мне, владыка простоит на этом свете еще не одно десятилетие. Нашему сыну некуда спешить, пусть учится не торопясь.

— Учиться не торопясь или заниматься днем и ночью — разве нам с тобой это решать?

— Ну... Госпожа, и в кого только наш сын родился таким способным? — помещик Се, говоря это, принялся восторженно качать головой и вздыхать. — Раньше я думал: прояви А-Жэнь свои таланты, мы сможем похвастаться перед родней и друзьями. Но мне и в голову не приходило, что хвастаться придется перед всем миром заклинателей! Теперь, куда ни приди, в трактирах с нас денег не берут, все норовят завести знакомство, проявляют душевное пылкое усердие... Дошло до того, что я даже хорошие блюда и вино заказывать стесняюсь.

Госпожа Нин искренне не хотела с ним разговаривать, думая про себя: «К счастью, твой сын — это и мой сын. Иначе, услышь я, как кто-то другой с таким наглым видом хвастается, кулаки бы точно не удержала».

В глубине горы Ханьшань Се Жэнь спросил:

— Учитель, вы не останетесь еще на пару дней?

Чжу Есюй сидел у стола:

— Что, есть еще о чем поговорить с учителем?

— Нет, — Се Жэнь подтащил стул и уселся на него верхом. — Просто не хочу, чтобы вы уезжали.

Чжу Есюй улыбнулся:

— В академии Чанцэ ты искал любой способ прогулять занятия и при виде меня удирал со всех ног. А теперь вдруг расставаться не хочешь?

Се Жэнь положил подбородок на спинку стула:

— Учитель, когда я закончу обучение у владыки, я смогу вернуться в академию?

— Ты еще не доучился. Куда еще тебе идти, если не в академию? — Чжу Есюй поправил ему волосы и с наставлением добавил: — Смотри, за то время, что проведешь на горе Ханьшань, ни в коем случае не ленись и не устраивай неприятностей. Владыка переродился, и его дух еще

нестабилен. Обучение потребует от него огромных сил, так что не создавай проблем на пустом месте и не зли его.

— Слушаюсь, — ответил Се Жэнь.

— Тогда твой учитель возвращается, — Чжу Есюй поднялся. — Спокойно оставайся здесь. Если возникнет что-то, с чем сам не справишься, отправь письмо в город Чанцэ.

Се Жэнь провожал Чжу Есюя до самого выхода из ущелья. Лишь когда тот улетел на мече, он повернулся, чтобы вернуться в свои покои. Шепча что-то в рассеянности и не разбирая дороги, он случайно врезался в стоящего перед ним человека.

— Ох...

Не успев даже потерпеть занывший нос, он поспешно выпрямился, опустив руки вдоль тела:

— Владыка.

Владыка Яоцюз был невероятно высок. Се Жэнь, выделявшийся даже в толпе, рядом с ним казался ниже на целую голову. А с учетом разницы в статусе и положении они вдвоем смотрелись как гордый парящий орел и только что вылупившийся пушистый цыпленок. Се Жэнь даже головы толком не поднимал. В его памяти всплыли тысячи владык на море Байша: тогда это зрелище казалось невероятно величественным, но сейчас, глядя на стоящего перед ним, он понимал, что и все те тысячи вместе взятые не сравнятся с одним этим человеком.

Владыка Яоцюз холодно повернулся:

— Следуй за мной.

Се Жэнь откликнулся и в пару прыжков догнал его. Это был путь не к жилым комнатам, а прямо к ледяным пещерам в горах. Похоже, поспать этой ночью не удастся. Се Жэнь мысленно скривил губы. У отчаянного возмутителя спокойствия, вечно искавшего на свою голову приключений, впервые в жизни появилась мысль: «Хоть бы эти три месяца прошли спокойно».

Как говорится, нашла коса на камень. Перед учителем можно схитрить, перед любимым — покапризничать, но перед владыкой Яоцюз, кроме как усердно учиться и тренироваться, делать что-либо еще казалось совершенно бессмысленным.

Что ж, придется вести себя смирно.

На небе мерцали частые звезды.

В глубине облачного моря Фэн Цяньсюэ сидел в белом нефритовом павильоне. На нем были белые одежды и серебряный венец, а пальцы от нечего делать перебирали струны циня. Картина была той же, что и несколько месяцев назад, но душевное состояние — совершенно иным. Му Фэнчунь, держа в руках кувшин, присел напротив:

— Выпьешь со мной?

— Не буду, — сиплым голосом отозвался Фэн Цяньсюэ. — Я устал.

— Устал — так почему не идешь отдыхать?

— Я скучаю по А-Жэню.

Му Фэнчунь, услышав это, почувствовал, как у него сжимается сердце:

— Но вы ведь расстались не прошло и десяти дней.

Фэн Цяньсюэ подпер голову рукой:

— Все равно скучаю.

Один день в разлуке — что три года, десять дней — как тридцать лет. Три месяца, девяносто дней — словно двести семьдесят лет!

Двое влюбленных не могут увидеться на протяжении более двухсот лет — о таком даже в любовных романах писать не решались!

Фэн Цяньсюэ прижал пальцы к дрожащим струнам:

— Старший брат.

— Что такое? — Му Фэнчунь налил ему вина.

— Я хочу узнать о своем происхождении.

— О происхождении? С чего вдруг ты об этом заговорил? — не понял Му Фэнчунь.

Фэн Цяньсюэ поднял пиалу:

— Просто подумал: если уж я так не люблю владыку Яоцзюэ, тому должна быть причина. Если не найду ее в этой жизни, придется искать в прошлых перерождениях.

Му Фэнчунь напомнил:

— А ты не думал, что эта неприязнь вызвана лишь тем, что владыка забрал Се Жэня?

Фэн Цяньсюэ качнул головой:

— Нет. Я не просто не люблю его — я его боюсь.

— Боишься?

— Этот страх въелся до самого мозга костей.

Му Фэнчунь помедлил:

— Это...

У Фэн Цяньсюэ не было настроения пить, и он поставил пиалу обратно:

— Старший брат, а вдруг в прошлой жизни я и впрямь был каким-нибудь демоном?

— Глупости! — тень от бамбука внезапно качнулась, и из нее вышел мужчина в зеленой мантии. Он был высок ростом, а холодные, суровые черты лица внушали невольный трепет. Это был старший ученик бессмертной обители Циньай, высший бессмертный Сюэ Юэ Инъе.

Он прогнал Му Фэнчуна с места и сам сел напротив Фэн Цяньсюэ:

— Совсем ненадолго спустился с горы, а принес с собой не только того мальчишку по фамилии Се, но и целую кучу вздорных мыслей. Расскажи-ка старшему брату: как именно ты боишься и насколько сильно?

Фэн Цяньсюэ проговорил:

— С самого дня перерождения владыки мне почти каждую ночь снятся кошмары.

Юэ Инъе спросил:

— Что тебе снится?

Фэн Цяньсюэ ответил:

— Бескрайнее море огня.

Кошмары снились и раньше, но прежде при каждом пробуждении рядом кто-то был. Стоило прижаться к нему и послушать пару ласковых слов, как давящая боль в груди немного отступала. Но теперь Се Жэнь находился на горе Ханьшань, и, просыпаясь среди ночи, Фэн Цяньсюэ касался лишь холодной нефритовой подушки. Поэтому чаще всего он просто лежал с открытыми глазами до самого рассвета.

Му Фэнчунь предложил было, что с этого дня они со старшим братом будут спать рядом с ним.

Однако младший брат решительно отказался.

Му Фэнчуню стало ужасно досадно: эх, а ведь когда ты был маленьким, именно я укладывал тебя спать!

Юэ Инъе произнес:

— Владыка Яоцзюэ разил демонов, используя божественный меч Чжучжао, а дух этого меча сейчас находится в духовных каналах Се Жэня. Раз уж тебе снится море огня и ты подозреваешь, что в прошлой жизни был демоном, почему же ты нисколько не боишься Се Жэня?

Фэн Цяньсюэ задел струну циня, отчего раздался смутно раздраженный звук:

— Если бы я мог это понять, то не мучился бы бессонницей каждую ночь. Неужели вы со старшим братом действительно ничего не скрываете о моем происхождении?

— Да что тут скрывать, — с вздохом ответил Юэ Инъе.

В тот год бессмертный владыка Увэй праздновал день рождения. Проходя вместе с учителем мимо хребта Люхуа, Юэ Инъе заметил в одном из глубоких ущелий сияющие облака и решил проверить. Там, среди цветов, они и нашли младенца. Ребенок был сплошь окутан мягким светом и спокойно спал, источая прохладу холодного нефрита. Это была духовная кость, явленная самой природой, а его душа оставалась прозрачной, словно чистейшая вода.

Юэ Инъе сказал ему:

— Злые духи и демоны в большинстве своем творят зло. Не говоря уж о том, способны ли они вообще переродиться после гибели, но даже если бы и могли — видел ли ты хоть одного великого демона, чья душа при перерождении осталась бы совершенно чистой, без единой

капли темной ауры? Если спросишь меня, в прошлой жизни ты не только не был демоном, но, вероятнее всего, являлся честным и праведным борцом с нечистью.

Фэн Цяньсюэ посмотрел на свою ладонь:

— Не был так не был. Я просто от безделья не могу удержаться от глупых мыслей.

— Отныне каждый вечер будешь ходить со мной к пруду и медитировать, — сказал Юэ Инъе. — Как следует успокоишь свой разум.

Фэн Цяньсюэ кивнул:

— Хорошо.

Он по-прежнему выглядел поникшим, точно побитая морозом капуста. У Му Фэнчуня затрещала голова, и ему оставалось лишь бесшумно вздохнуть к небесам: «Ладно-ладно, через пару дней надо будет выкроить время и съездить на гору Ханьшань, посмотреть, как там дела. А то младший брат днями напролет ни есть, ни пить не может, совсем застыл без капли жизни».

Луна заходила, солнце вставало. Солнце заходило, луна вставала.

<http://bllate.org/book/18374/1766409>